

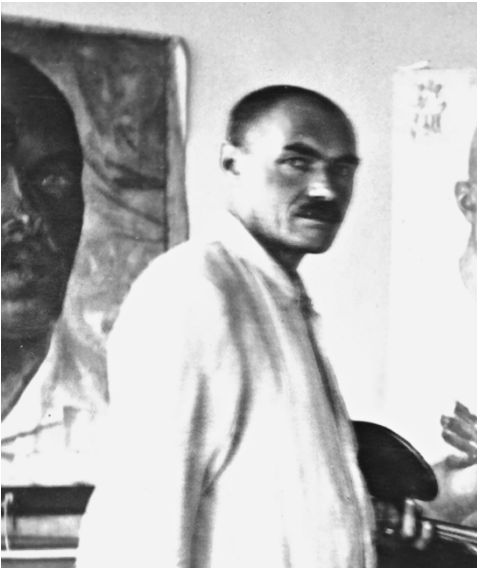
Соч.: Книга избранных стихотворений [Худож. оформление К. С. Малевича, портрет П. работы Д. И. Митрохина]. Харьков, 1930; Вибрані поези. Харьков, 1934; Стихотворения. Киев, 1935; Избранные стихи. М., 1936; Заветная книга / вступ. статья М. Рильского. Симферополь, 1961; Открытые страницы. Симферополь, 1963; Утренний свет / вступ. статья Н. Тихонова. Симферополь, 1967; Пусть трудятся стихи. Симферополь, 1972; Wiersze wybrane. Lodz, 1973.

Лит.: Лившиц Б. В цитадели революционного слова // Пути творчества. 1919. № 5; Хлебников В. О совр. поэзии // Пути творчества. 1920. № 6–7; Белецкий А. Торжество слова // Худож. мысль. 1922. № 9; Хлебников В. Письма Г. Петникову // Хлебников В. Собр. произведений. Т. 5. Л., 1933; Поступальский И. От «самовитого» слова к идейному творчеству // Худож. лит.-ра. 1935. № 1; Левицкий Я. Заветная книга: [рец.] // Новый мир. 1962. № 7; Макаров А. Страницы любви и мысли // Радуга. 1964. № 2; Райт-Ковалева Р. Счастье — это добро в человеке // В мире книг. 1987. № 7; Вышеславский Л. Предземшара-2 // Вышеславский Л. Наизусть: Воспоминания. М., 1989.

М. Ф. Пьяных

ПЕТРОВ-ВОДКИН Кузьма (Косма, Козьма) Сергеевич [5.11(24.10).1878, г. Хвалынский Саратовской губ.— 15.2.1939, Ленинград; похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища] — драматург, прозаик, художник, теоретик искусства.

Отец — сапожник, мать — прислуга. Учился в городском училище Хвалынска, после окончания работал в судоремонтных мастер-

К. С. Петров-Водкин

ских. Еще в городском училище начал писать стихи. Первое выявленное опубликованное произведение — рассказ **«Золотой день»** (Театральная Россия. Театральная газ. 1905. № 2–3; подпись Кузьма Бронин) — это мелодраматическое, сентиментальное произведение из мещанской жизни. Все юношеские годы продолжал писать стихи. Одно из поэтических произведений — поэму, написанную под влиянием толстовства, дал на суд М. Горькому, который отнесся к поэме отрицательно. Параллельно, с 19 лет, писал прозу. У П.-В. было два едва ли не равновеликих дарования — лит. и художественное. Правда, впоследствии его стали воспринимать исключительно как художника.

Чувствуя в себе талант художника, П.-В. начал серьезно учиться — сначала в классах живописи и рисования худ. Ф. Е. Бурова в Самаре (1895–97), затем в Училище технического рисования А. Л. Штиглица в Петербурге (1895–97). В 1905 он окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где учился у Н. А. Касаткина и В. А. Серова. Углубленное и широкое знание теоретических и практических основ искусства дало ему возможность впоследствии выступать с интересными теоретическими работами, а природный талант живописца и графика сказался и в его лит. творчестве. Дело не в том, что он замечательно иллюстрировал свои книги (**«Хвалынский»**, **«Пространство Эвклида»**, детские произведения), но и в особом ракурсе и самой освещенности слова, его близости к графике и краске.

После того как один из его рассказов был по совету реж. П. П. Гайдебурова инсценирован и поставлен на сцене Передвижного драматического театра в Петербурге, П.-В. много сил отдает драматургии. Он ищет новые формы, насыщает свои пьесы модными тогда философскими идеями. Большое влияние на него оказал Метерлинк. Пьесы **«Звонящий остров»**, **«В саду ночью»**, **«Узколобые»**, **«В маленьком городке»** написаны в символистской манере. То же можно сказать о фантазиях в символистском духе **«Башня Вавилона»**, **«Вегад, король сумасшедших»**, **«Айша и Хаман»**, **«Сны жемчужины»** и др. Пьесу «Сны жемчужины» сам П.-В. назвал в повести «Хлыновск» «галиматъей». Они интересны для исследователей творчества П.-В. как некая весьма своеобразная лаборатория худож.-эстетической и философской мысли, как проекция декадентско-символистской эпохи на его творчество. Эти лабораторные искания не прошли бесследно ни для художника, ни для прозаика.

ка П.-В. Неверно было бы думать, что они имели лишь отрицательное значение. В новаторском по своему духу и резко своеобразном творчестве П.-В. они сыграли и положительную роль. Он был, прежде всего в живописи, «левым» художником, не принимавшим традиций передвижничества, что, в частности, выразилось в почти грубой оценке его творчества И. Е. Репиным. В прозе, особенно зрелой, в «Хвалынске», «Пространстве Эвклида», **«Самаркандии»** он почти в равной мере и художник нового времени, и мастер реалистического письма.

П.-В. много путешествовал — он был в Германии (1901), в Италии, Греции, Турции (1905). В 1906–08 жил в Париже, где познакомился с Метерлинком и Н. Гумилевым. После Парижа подобно Н. Гумилеву путешествовал по Африке (Алжир, Тунис), побывал в Испании. Его картины получают признание и выставляются на выставках в Париже. В конце 1909 в ж. «Аполлон» состоялась первая персональная выставка П.-В. в России. В 1910 был напечатан его путевой очерк **«Поездка в Африку»** (На рассвете: худож. сб. Кн. 1. Казань). Путевые очерки П.-В. в отличие от африканских произведений Н. Гумилева отличаются переусложненностью стиля, но вместе с тем обнаруживают острую наблюдательность и слуховую чуткость к звучанию экзотического пейзажа, что в наибольшей степени, наряду с яркими красками, роднит его со стихами и в особенности с «африканской» прозой Н. Гумилева.

С 1910 П.-В. член худож. объединения «Мир искусства». Общение с писателями и художниками Серебряного века, безусловно, дало ему много и как литератору. Он достаточно тесно был связан с А. Блоком, В. Брюсовым, Л. Андреевым, Евг. Замятиным, С. Мстиславским, М. Пришвиным, Ф. Сологубом, Вяч. Шишковым, А. Толстым. Общий интерес в этой среде вызвал его доклад **«Наука видеть»**, где он обосновывал свою теорию и практику «сферического пространства». В этой теории были предугаданы, а частично и сформулированы положения т. н. русского космизма, с большой силой и целеустремленностью реализовавшиеся в поэзии. Этой теорией интересовались А. Блок и А. Белый. П.-В. в творчестве и мирозерцании А. Белого находил много родственного себе — взвихренность его образности, когда предметы теряют земной вес и отдаются «сферическому пространству», перспективе земного шара, его округлости и вращательности, — это было свойственно и А. Белому, и П.-В. едва ли не в равной степени.

Будучи по преимуществу и по роду основных занятий художником, П.-В. на протяжении своей жизни никогда не оставлял лит-ры. В 1915 он попробовал свои силы как автор детских книг, что вполне соответствовало его внутреннему мировидению и худож. почерку. Его книги для детей, в особенности **«Аойя. Приключения Андруши и Кати в воздухе, под землей и на земле»** имели определенный успех, а для автора стали очень удачным лабораторным опытом, так как законы «сферической перспективы», пропущенные через детское сознание, получили в его глазах дополнительное оправдание. Будучи одним из 12 членов-учредителей Вольфилов, он обосновывал свои суждения перед слушателями в целом ряде докладов. На некоторых слушателей его идеи о сферичности и о планетарном существовании и «свечении» предметов окружающего, в т. ч. и бытового мира, оказали известное воздействие. Это относится прежде всего к О. Форш.

В февр. 1919 П.-В. был подвергнут кратковременному аресту вместе с А. Блоком, Евг. Замятиным, Р. Ивановым-Разумником, А. Ремизовым — по сфальсифицированному обвинению о заговоре левых эсеров. В 1923 П.-В. выпустил созданную еще ранее книгу «Самаркандия. Из путевых набросков 1921 г.». В ней он в полной мере реализовал свойственное ему, как и Н. Гумилеву, стремление передать мир во всей яркости и насыщенности красок. Средняя Азия как бы вернула его к опытам «африканской» прозы, заодно подтвердив в его представлении и справедливость открытой им «сферической перспективы».

С авг. 1924 по июль 1925 П.-В. жил в Париже. Общение с западными художниками и писателями дополнительно обогатило его познания в теоретических основах искусства. Возможно, его выступления о сферичности земли и космичности бытия, его планетарности содействовали тому, что он был избран членом Французского астрономического общества. Последние годы жизни П.-В. были омрачены тяжелой болезнью, но это несчастье способствовало его творческому уединению и более тесному, «домашнему» общению с писателями и людьми искусства.

Он жил в здании пушкинского Лицея, а по соседству оказались Вяч. Шишков, А. Толстой, О. Форш, К. Федин, И. Соколов-Микитов, М. Пришвин. Он откликнулся на их советы писать автобиографическую прозу. Так была начата трилогия. 1-я часть — «Хлыновск» — появилась в 1930, 2-я — «Пространство Эвклида. Моя повесть» — в 1932,

от 3-й части сохранились фрагменты, в которых идет речь о «Мире искусства», о худож. жизни Петербурга в 1908–10. Обе вышедшие книги получили признание со стороны авторитетных литераторов. В частности, очень высоко оценил автобиографическую прозу П.-В. Ю. Тынянов. Вразрез с высокими оценками шло резко отрицательное отношение к его прозе М. Горького, которого, по-видимому, раздражала фрагментарность философических рассуждений о планетарности, космизме и сферичности, прерывавшая традиционную повествовательность. Вместе с тем автобиографическая проза П.-В. — это прекрасная реалистическая лит-ра, близкая и самому М. Горькому, если иметь в виду его автобиографическую трилогию — «Детство», «В людях», «Мои университеты». Их сопоставление, которое пока никто не сделал, дало бы немало родственных точек сохождения. Интересно отметить, что П.-В. иллюстрировал рассказы М. Горького. Родственна автобиографической прозе П.-В. проза И. Шмелева, особенно его «Лето Господне», но первые главы этого произведения появились в парижской печати в 1927, когда П.-В. уже вернулся на родину. Сцены мещанско-купеческого быта, увиденные у И. Шмелева глазами ребенка, удивительно родственны по тональности, по краскам, по лиризму описаниям детства и отрочества в «Хлыновске» П.-В. Как писатель реалистической школы П.-В. продолжил классические традиции, пронизав их собственными исканиями и окрасив сугубо индивидуальным видением мира.

Соч.: Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. Л., 1970; Письма. Статьи. Выступления. Документы. М., 1991; Наука видеть // Советское искусствознание. Вып. 27. М., 1991.

Лит.: Костин В. В. Петров-Водкин. М., 1966; Мочалов Л. Неповторимость таланта. 1966; Адашкина Н. Петров-Водкин. М., 1970; Русаков Ю. А. Петров-Водкин. Л., 1975; Селизарова Е. Н. Петров-Водкин в Петербурге-Петрограде-Ленинграде. СПб., 1993.

А. И. Павловский

ПЕТРОВЫХ Мария Сергеевна [13(26).3. 1908, Норский посад Ярославской губ.— 1.6.1979, Москва] — поэт, переводчик.

Признание, известность пришли к П. поздно. Лишь недавно, уже после кончины П., ее стихи заняли наконец достойное место в антологиях лучших достижений русской лирической поэзии XX в.

П. выросла в семье инженера-технолога, ее отец Сергей Алексеевич был директором

фабрики «Тов-во Норской мануфактуры». П. училась в Ярославской средней школе им. Некрасова. Писала стихи с детства. Ученицей последнего класса девятилетки вошла в Союз поэтов Ярославля. Первая публикация — в сб. «Ярославские понедельники» (1926). Переехав в Москву, поступила на Высшие гос. лит. курсы (училась одновременно с Арс. Тарковским). Окончила экстерном лит. ф-т Московского ун-та (1930).

Поэтическими переводами П. занялась по совету Г. А. Шенгели. С 1934 систематически выступала как поэт-переводчик: с литовского (С. Нерис, Т. Тильвитис), еврейского (П. Маркиш, С. Галкин), польского (Ю. Тувим). Особенно тесными стали в дальнейшем лит. связи П. с Арменией. Она впервые побывала там вместе с В. Звягинцевой в 1944. Образ Армении, благодарная память об этой земле постоянно возникали в стихах П. («Моя далекая, желанная, / Моя земля обетованная! / ...О край далекий, край возлюбленный, / Мой краткий сон, мой долгий вздох», 1966). П. переводила стихи А. Исаакяна, В. Терьяна, Н. Зарьяна, М. Маркарян, Г. Эмина, С. Капутикян и др. В 1946 портрет П. написал М. Сарьян. В Ереване вышла единственная прижизненная книга оригинальных стихов П. **«Дальнее дерево»** (1968, с предисл. Л. Мкртчяна), включающая также и переводы из армянской поэзии. В книгу вошла поэма П. о демоне **«Кара-даг»** (1930), стихи военных лет, в т. ч. написанные в эвакуации, в Чистополе: **«Проснемся, уснем ли — война, война...»** (1942).

Лит. и личная судьба П. складывалась драматично. В 1937 был арестован ее муж В. Д. Головачев (умер в лагере в 1942). П. осталась одна с маленькой дочкой на руках, испытала тяготы эвакуации, трудности послевоенной жизни в Москве, хроническое безденежье. Рукопись первого сб. стихов П., представленная в 1940-е в изд-во «Советский писатель», была отвергнута по причине пессимизма, «несозвучности эпохе» (так говорилось во внутренней рецензии). Однако характер П. был таков, что «отчаянье без края, без конца» придавало ей силы жить, писать. «Ты, Мария,— гибнущим подмога!» — писал О. Мандельштам в стих. «Мастерица винных воров...» (1934), посвященном П.

Человек исключительной скромности, повышенной требовательности к себе, обращавшаяся к поэтам — «Умейте домолчаться до стихов», П. печаталась крайне редко. За полувековую путь в поэзии П. написала немногим более 150 стих. Она писала стихи только в минуты сильных душевных волнений,